
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

**Наталья Бондарчук. Сергей Бондарчук: линия жизни. Послесл. В. Шмырова.
М.: АСТ, 2020. — 320 с.: ил.**

«Мой отец родился 25 сентября 1920 года в селе Белозерка Херсонской области на Украине в семье Бондарчуков — Федора Петровича и Татьяны Александровны. Моего дедушки в это время в доме не было. Он нес службу в Красной Армии и прислал письмо своей любимой жене. Письмо сохранилось». Наталья Бондарчук бережно восстанавливает детские и юношеские годы своего отца, его родословную. «Папа мой любил говорить: „Дед мой — болгарин, бабушка — сербка, по паспорту я — украинец, а в душе я — русский“». Четко прочерчена линия жизни выдающегося кинорежиссера Сергея Бондарчука (1920—1994), наметившаяся в детстве и никогда не прерывавшаяся. Таганрог 20-х годов XX века, куда, спасаясь от голода, перебралась семья: на кожевенном заводе трудится Федор Бондарчук, его сын пропадает в театре, где работает его дядя. В эти годы там гастролировали Книппер-Чехова, Москвин, Тарасова. В 1932 году семья переехала в Ейск. Отец, один из двадцати пяти тысяч передовых рабочих, призванных укреплять село, стал председателем колхоза рядом с Ейском. Театр был и там. Сергей напросился к художнику в помощники, получил роль без слов, вместе с подружкой организовал театр в своем дворе. Иногда вечером показывал там свои фильмы: «Он ухитрился вставить в бутылку катушку, на которой рулончиком были наверхены картинки, которые он сам рисовал». Играл в школьном драмкружке. С семьей Бондарчуков дружила семья Мордюковых, старшая дочь, будущая актриса Нонна Мордюкова оканчивала ту же школу, что и С. Бондарчук. Преодолев сопротивление отца, С. Бондарчук поехал поступать в Москву в театральное училище, но побоялся даже ступить на его порог. В Ейск не вернулся, поступил в театральное училище в Ростове-на-Дону. Первым наставником его стал А. Максимов, впоследствии народ-

ный артист УССР. Ростовским театром, самым большим в то время в Европе, руководил последователь Станиславского Ю. Завадский, на сцене выступали Н. Мордвинов, В. Марецкая, Р. Плятт. После войны С. Бондарчук обучался в мастерской С. Герасимова. Н. Бондарчук рассказывает, как шло становление актера и режиссера Бондарчука, какие идеи передавали своим ученикам учителя. Подробно — обо всех фильмах, где снимался ее отец, которые снимал сам. «Молодая гвардия», «Неоконченная повесть», «Попрыгунья». «Тарас Шевченко», за главную роль в нем Бондарчук получил звание народного артиста СССР. «Отелло», на съемках которого Бондарчук встретился с И. Скобцовой, будущей женой. Режиссерский дебют — «Судьба человека». «Война и мир», «наш ответ американцам», выпустившим в 1956 году фильм Видора «Война и мир» со звездным составом. Министр культуры Фурцева лично давала задание Бондарчуку, курировала съемки. История создания фильмов, проблемы и сложности во время съемок, обстановка, отношения в коллективе, критика, исторический и бытовой контекст. «Они сражались за Родину», где свою последнюю роль сыграл В. Шукшин. Недооцененным считает Н. Бондарчук фильм отца по Чехову «Степь», к которому режиссер шел пятнадцать лет. Не пришлось ему увидеть на экранах свою последнюю картину — «Тихий Дон». Наибольшее внимание уделено съемкам фильма «Война и мир», длящимся семь лет. В фильме было занято 20 000 статистов, по требованию режиссера был создан кавалерийский полк в подмосковном Алабино, вопрос решали Фурцева и маршал Чуйков. Чудеса совершали операторы. Бондарчук добивался подлинности в мелочах: одежда, посуда, интерьеры. По воспоминаниям директора фильма Н. Иванова: «Каждое утро занятым в батальных сценах солдатам преподавали „курс молодого бойца“ французской или русской армии: учили всему, начиная от облачения в форму того времени и заканчивая строевым шагом. Постепенно солдаты вживались в роли. Некоторые из них отправляли домой письма такого содержания: „Сегодня был жаркий бой у Шевардинского редута“». На съемках этого фильма С. Бондарчук пережил клиническую смерть. Н. Бондарчук емко характеризует атмосферу сменяющих друг друга эпох. Нарастающее беспокойство в канун 1917 года и переключки с «Тихим Доном» Шолохова судеб братьев Бондарчуков, младший из них — Федор. Голодные времена 20-х годов. Положение театрального искусства в СССР в довоенное время. Семья Бондарчуков в оккупации, и он сам в частях, оборонявших мосты и железные дороги Северного Кавказа. Сталинский период, когда все фильмы несли на себе печать незримого присутствия «главного цензора» советского искусства той эпохи... Особо — V съезд кинематографистов СССР (1986), куда делегатом не избрали Бондарчука. Новым временам и временщикам государственник С. Бондарчук был не нужен. «Несправедливость мышей», по выражению Н. Михалкова. Никто из гонителей ничего достойного в кинематографе не сделал, констатирует Н. Бондарчук. Среди героев книги и те, кто шел по жизни с Бондарчуком рядом, учителя, друзья и близкие: С. Герасимов, И. Макарова, И. Скобцева, В. Шукшин, Н. Мордюкова, Н. Михалков... Н. Бондарчук использует семейные архивы, семейную переписку, воспоминания отца, его друзей, однокурсников, соратников. И своей матери, И. Макаровой. Н. Бондарчук дружила с актерами и режиссерами, хорошо знавшими ее отца, их рассказы вошли в книгу. Тактично об очень личном: счастливый брак режиссера Сергея Бондарчука и актрисы Инны Макаровой, детская идиллия, крушение семьи, когда девочке было восемь лет, трудное расставание. Пять лет она не видела отца, так хотела мать. «Сейчас я понимаю, что это было неправильно. Лучше давать детям видеться с разведенными родителями». С отцом Н. Бондарчук начала общаться, в том числе профессионально, будучи уже взрослой девушкой, тогда же познакомилась с братом Федором и сестрой Еленой. Поддерживала отношения и со сводным братом Алексеем, родившимся в Ростове-на-Дону еще до брака С. Бондарчука и И. Макаровой. В. Шмыров, автор послесловия к книге, точно обозначил главную авторскую интонацию этой книги —

благородство и благодарность. Состоявшаяся актриса, режиссер, сценарист, Наталья Бондарчук, чьи роли: Хари из «Соляриса», Мария Волконская из «Звезды пленительного счастья», царевна Софья из «Юности Петра», мадам де Реналь из «Красного и черного» — стали классическими, объективно оценивает масштаб личности своего отца. «Теперь, когда я сама стала актрисой и режиссером, мне кажется, я понимаю, что сделал мой отец для всех нас. Он связал разорванную связь времен! Казалось бы, как далеко от нас князья и княгини со своим бытом, романами, дуэлями, воинскими победами и поражениями, размышлениями о жизни, смерти и бессмертии. О непротивлении злу насилеием. Где мы со своим Интернетом, сверхзвуковыми скоростями, а где Каратаев со своей собачкой? Однако же фильм идет, и наши люди верят этой некогда утраченной правде... Все возвращается в генетической памяти народа: служение отечеству, верность и любовь!»

Николай Стариков. Ненависть. Хроника русофобии. СПб.: Питер, 2019. — 352 с.

Были мы имперцами, были мы коммунистами, были мы демократами — во все времена Запад нас ненавидел. В 90-е годы добровольно отказались от своих геополитических и экономических интересов, сдали и предали всех союзников. И что же? Новое обострение: провоцирование войны у наших границ, «санкции, допинг, выборы, новичок». Виновны и в том, что еще только может произойти. Общественный и политический деятель, писатель и блогер Николай Стариков считает, что такой накал чувств со стороны Запада по отношению к нам уже не просто не любовь, а ненависть. Чтобы явить масштабы проблемы, он обращается к историческим фактам, к малоизвестным страницам взаимоотношений России и Запада. Отсчет начинается с Северной войны. Шведские солдаты, что по приказу своего командующего зверски расправились с 500 пленными русскими воинами, «ругательски положи человека по два и по три один на другого, кололи их копьями и багинетами» («Гистория Свейской войны»). Французские гренадеры, что, по воспоминаниям современника, «спускались с факелами в подземелье и взрыли, перебудоражили там гробы и кости почивших», в Архангельском соборе устроили конюшню, в Успенском — плавильню, где переплавляли в слитки золото и серебро из окладов икон. Друг с другом европейцы так не поступали: не расстреливали тысячи взятых в плен солдат противника, не грабили захваченные столицы, накладывая на разбитых правителей лишь «цивилизованные контрибуции». Даже во время Второй мировой войны в отличие от советских граждан пленным французам, англичанам и американцам в лагерях предоставляли вполне сносные условия. Сожжение фашистами чешской деревни Лидице (1942) носило единичный характер: ее жителей наказали за то, что они укрыли диверсантов, убивших Гейдриха, нацистского наместника в Богемии и Моравии. На Восточном фронте сожжение деревень вместе с жителями было явлением массовым. Стариков задает риторические вопросы. А были ли случаи, когда русская армия или русская власть намеренно разрушала столицу своего противника без военной необходимости? Чтобы русские устраивали массовые экзекуции пленных? Можно ли представить себе русских гренадер, вскрывающих могилы французских королей? Никогда в России не казнили военнопленных, не расстреливали без суда, не было над ними издевательств и пыток. И пленные шведы из войска Карла XII, и наполеоновские воины благополучно обосновались в России. Отношение к противнику — одна из линий разлома, по сторонам которого находятся люди с разным менталитетом. Отдельная глава посвящена русско-польским отношениям: «Почему поляки уничтожали русские храмы и продолжают разрушать советские памятники». Стариков обращается к истории русско-польского соперничества в строительстве империи, где и победы, и поражения были у каждого. Он указывает различие между русским и польским государственными проектами: в нашем проекте все люди

были равны, вне зависимости от национальности и вероисповедования. В польском делились на «сорты»: первый сорт — католики-поляки, второй — католики других национальностей, третий — «некатолики» любых национальностей. «Государства, построенные на принципах угнетения и неравенства, всегда в исторической перспективе проигрывали тем государствам, где не было такого разделения». Он приводит малоизвестные факты. Как Петр I и Екатерина II купили прибалтийские земли, на которых не было еще ни Латвии, ни Эстонии. Как британская королева Елизавета II в 1953 году флиртовала с советским моряком, капитаном крейсера «Свердлов», тем самым делая завлекающий посыл западного истеблишмента новому постсталинскому правительству и что за этим сладким посылом скрывалось. Делает экскурс в историю XX века: «свет и демократия», которые несут США; двойные стандарты; информационные войны. Пишет о том, как СССР хотят приравнять к фашистской Германии. Воссоздает историю китайской государственности и судьбы сыновей Мао Цзэдуна и Чан Кайши, обучавшихся в СССР. На примере Северного Кипра показывает, какие сложные отношения бывают между народами, в данном случае между турками и греками. Доказывает, что тоталитарное общество Дж. Оруэлла — не СССР, а Великобритания и Запад. Несть числа нашим обидам. Но — проявляется удивительный исторический код. Каждые сто лет совокупный Запад собирается с силами, выбирает «знамя» и многонациональной, всех «мастей и расцветок» командой идет на Восток. Так было в XVIII веке, когда честь сокрушить Россию «предоставили» шведскому королю, в XIX веке шпагой Европы руководил Наполеон, а в XX веке — Гитлер. Потом следует военный разгром, и в Европу по «следам» незадачливых завоевателей приходит Россия. Война со шведами закончилась, когда наша армия появилась в окрестностях Стокгольма, французы угомонились после вхождения русских в Париж, а нацистская идеология была погребена под развалинами рейхсканцелярии в Берлине. «У нас просто не было выбора: чтобы покончить с агрессией Запада, нам нужно было прийти туда, откуда она стартовала». Приходили к нам и с Востока, но лишь для того, чтобы включить нас в свою орбиту для выплаты дани: «Платите дань и живите как хотите». У европейцев речь всегда шла об уничтожении народа, захвате территории и ассимиляции. Причина ненависти, считает Стариков, в том, что мы другие: неотъемлемой частью нашего мировоззрения является признание за другими права иначе смотреть на мир, иметь иную культуру и традиции. Условие одно: не лезьте к нам, навязывая многонациональному Русскому миру свои правила и понятия о добре и зле. Корни западной русофобии, считает Стариков, в желании уничтожить альтернативу (при этом в Азии никакой русофобии нет), в необходимости обосновывать свою агрессивную политику и враждебные действия против России во имя своей главной Идеи, идеи их исключительности, трансформированной в идею материальных благ и бесконечного потребления. А мы, по мысли автора, вместо того, чтобы решить самый главный вопрос — принятие Идеи, занимаемся вторым и третьим — внешней политикой и стратегией. О своих книгах Н. Стариков говорит так: «В своих книгах стараюсь логично и доходчиво объяснить, что и почему происходит в нашей стране. Что на самом деле стоит за красивыми словами и историческими штампами. Пытаюсь заставить людей задуматься, самим осмысливать произошедшее и происходящее».

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)